

программы строительства социализма. В деревне основные силы должны были быть направлены на борьбу с зажиточными элементами и на создание крупных коллективных хозяйств.

Государство, через УСХБ, все активнее требовало от первичной сети «кредитование зажиточных хозяйств совершенно прекратить», а основную часть кредитов направлять на поддержку бедняцких и середняцких хозяйств и колхозов (6). Реакцией на подобные требования стала фальсификация отчетной документации. Так, например, инспектор Уральского сельскохозяйственного банка, указывал в своем отчете, что в Тобольском сельскохозяйственном товариществе «кредиты попадали не всегда к действительно нуждающемуся в нем населению и были случаи выдачи их зажиточному населению, отнеся их к беднякам» (7). «Классовая» направленность кредитов возрастала. В общей сумме кредита, отпущенного через кооперацию, доля колхозов поднялась с 15,5% в 1928 г. до 32,2% в 1929 г., простейших производственных объединений – с 30,1 до 39,7%, а единоличных крестьян сократилась с 54,4 до 28,1%. Доля хозяйств, отнесенных к кулацким, в кредитах резко снизилась в 1929 г. – до 0,2% (8).

Таким образом, в первые годы проведения новой экономической политики государство, в данном случае в лице Уральского сельскохозяйственного банка, предоставляла свободу действий кредитным товариществам. Но ситуация кардинально изменилась во второй половине 20-х годов, когда власть пересматривает свое отношение к нэпу и усиливает контроль над кооперацией. Главный фактор в работе кредитных товариществ теперь становится не экономический, а социальный.

1. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 90. Ст. 912.

2. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 12. Ст. 110.

3. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 563.

4. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 85. Л. 80; Д. 66. Л. 48.

5. Клачев И. Вопросы сельскохозяйственного кредита в Тобольском округе // Тобольский край. Тобольск, 1926. № 1. С. 26.

6. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 85. Л. 143.

7. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 146. Л. 20.

8. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 56. Л. 34.

Соколова Е.С.

Дворянская служба на рубеже XVIII – XIX вв. глазами мемуаристов (опыт реконструкции внутрисословной картины мира)

В 1774 г. Москва праздновала заключение мира с Турцией. Среди приехавших в «первопрестольную столицу» на торжества находился А.Т.Болотов, занимавший должность управляющего Киясовской волостью, которая входила в личный удел Екатерины II. В своих записках Болотов не скрывает того, что поездка в Москву была затеяна не из верноподданнических чувств, а ради удовольствия жены и тещи, «которым

никогда еще в жизни не случилось видеть таких пышных празднеств, а особенно фейерверков» (1). Окунувшись в праздничную суету московских улиц, Болотовы не сразу почувствовали политическую значимость наблюдаемого ими события. Посещение литургии в Успенском соборе изменило их настроение. По словам Андрея Тимофеевича, «ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при схождении императрицы с Красного крыльца..., во всем блеске и сиянии ее славы». Впечатление от увиденного было настолько сильным, что минуты в Кремле, проведенные под звон колоколов, сопровождающих шествие Екатерины II, сохранились в памяти Болотова как самые восхитительные в его жизни. Он вдруг почувствовал свою корпоративную сопричастность всему служилому сословию, причисляя «находившееся тогда в Москве дворянство» к лучшим людям своего времени.

Приведенный отрывок является замечательным свидетельством ориентации рядового помещика на общепринятые стереотипы всеподданнической верности сословному долгу. Болотов не относился к числу дворян, отрицающих данный стереотип. Судя по запискам, у него редко проявлялось равнодушие к собственной карьере или пренебрежение к внутрисословной иерархии. Это вполне объяснимо: Болотовы происходили из старинной, но обедневшей семьи, которая связывала свое благополучие с государственной службой. Образованность и мечтательность уживались у Андрея Тимофеевича с трезвым практицизмом. Дома, в Киясовке, он еще раз обдумывает все виденное и приходит к заключению о том, что самым совершенным из всех полученных впечатлений было созерцание императрицы на Ходынке перед началом фейерверка. «Она, - пишет Болотов, - провела почти все... время в игрании с несколькими из знаменитейших вельмож в карты», беспрепятственно допуская к столу всех желавших из «нашей братии».

Мемуарист полностью уверен в правильности своей социальной ориентации, так как она вполне типична. Большинство публики, как и он сам, имели «удовольствие насмотреться сколько хотели императрицы». Болотов предельно ироничен по отношению к тем, чьи представления о должных поступках государыни отличаются от привычной модели официального величия. С полным сознанием собственного превосходства автор повествует о наивных ожиданиях небогатых дворян, которые весь праздник прогуливались перед лавками с дорогими товарами, «мечтательно надеясь, что товары сии приготовлены для оделения ими всего дворянства», в то время как у императрицы «того и в мыслях не было». Трудно сказать, какое настроение преобладает у Болотова: радость от сознания собственной правоты или насмешка над глупцами, переносящими на европеизированную государыню представления московской старины. Несомненно одно: для людей типа Болотова личное достоинств-

во дворянина проявляется в убеждении, что награда может быть только следствием заслуг на поприще службы.

Иными настроениями пронизаны воспоминания Е.П.Янковой, собранные ее внуком Д.Д.Благово в «Рассказах бабушки...» Правнучка В.Н.Татищева, в генеалогическом древе которой пересекаются ветви Римских-Корсаковых, Волконских, Щербатовых, Салтыковых, Толстых, Елизавета Петровна сама себя называла «бесклассной дворянкой». Это подчеркивало частный характер ее рассказов о виденном и пережитом.

Е.П.Янкова родилась 29 марта 1768 г. По воспитанию она принадлежала к тому поколению аристократии, которое уже испытало на себе последствия отмены обязательной службы. Она очень гордилась тем, что по отцу приходилась равной Милославским, «состоявшим в родстве с первой супругой царя Алексея Михайловича» (2). Пятисотлетнее дворянство позволяло Янковой легко отходить от нормативных схем сословного поведения. Елизавета Петровна с гордостью отмечает, что батюшка ее «был точно барин: ... он всякого дворянина принимал как равного себе». Сословные предрассудки прошлого кажутся ей несколько вздорными. Так, о своей бабушке Е.В.Татищевой она упоминает как о «большой барыне крутого нрава», которая была в настолько большом почете, что «не очень церемонилась с мелкими соседями». Янкова не осуждает своих предков: Е.В.Татищева была просватана за А.Л.Римского-Корсакова императрицей Анной Иоановной. Предметом сословной гордости дочери знаменитого историка был тот факт, что Анна собственноручно благословила ее иконой, пожаловав драгоценности и «глазетовое платье со своего плеча». В то же время для самой Янковой высшей ценностью является нравственное превосходство дворянина, формирующее понятие сословной чести. Чувство живой симпатии у нее вызывает московский главнокомандующий П.Д.Еропкин, который отказался от пожалованной ему вотчины за усмирение чумного бунта 1771 г. в Москве, объяснив это тем, что за неимением детей не хочет использовать службу для обогащения. По свидетельству Янковой, Еропкин и в дальнейшем пресекал все попытки Екатерины II наградить его значительным состоянием.

Мемуаристка неоднократно подчеркивает, что честь и служба – нерасторжимые понятия. Примером сословного идеала Янковой является род князей Голицыных, давший «бесчисленное количество замечательных лиц». Описывая деятельность Д.В.Голицына на должности генерал-губернатора Москвы в 1820-е гг., она хвалит его за отсутствие сословной спеси, доступность и готовность оказать помощь любому просителю: «... в продолжении своего долгого правления он... очень многих людей спас от гибели... и безо всяких судилищ и тяжоб..., соглашая враждовавших». Подобные оценки не всегда находили поддержку в аристократическом окружении Янковой. Горькое недоумение вызывала у рассказчицы ее «перенапыщенная» невестка М.П.Долгорукова не «приученная быть при-

ветливой с каждым порядочным человеком» потому, что ее пожаловали фрейлиной двух императриц из-за личного расположения Александра I к старшему брату княжны.

Неординарность взглядов Е.П.Янковой прослеживается и в характеристике коронованных особ, данных ею по рассказам своих чиновных родственников, представленных ко двору. Екатерина II описана проницательной государыней, угадывающей слабости своих приближенных, чтобы использовать их для создания образа покровительницы отечества. В характере Александра I рассказчица подчеркивает умение располагать к себе сердца, нравственность и благочестие. Впрочем, иллюзия привлекательности сразу же развенчивается: «Были люди, - замечает Янкова, - которые обвиняли Александра Павловича в неискренности. В этом я не судья». Видимая безразличность оценки не должна обмануть читателя. В тексте «Рассказов...» упоминается случай о том, как Александр I витиевато и сухо выразил соболезнование княгине А.С.Долгоруковой по поводу смерти ее сына, получив в ответ: «Вы можете... всегда иметь... друзей, а я... сына уже не найду». Не подобающее случаю поведение составляет для Янковой отличительную черту дворянского достоинства, которым не может пренебречь и сам император. Не типичное, но должное постепенно превращается в норму для истинного дворянина. Младшая современница Янковой знаменитая фрейлина А.О.Смирнова-Россет много лет спустя вспомнит известный анекдот о часовом, который по приказу Александра I охранял последний плод на померанце и напишет в «Автобиографических записках»: «Тот, который говорил m-me Stael: “Je ne suis qu'un hereux accident” был либеральнее на словах, чем в действительности» (3).

Данная выборка не претендует на всеобщность. Это всего лишь единичные свидетельства «отголосков поколений и общества, которые уже сошли с лица земли». Беглые зарисовки мелочей ежедневной частной и придворной жизни все же не заслоняют сложных процессов, которые происходили в сознании дворянской элиты рубежа XVIII – XIX вв. Неординарность мысли и поведения в типичных ситуациях постепенно превращается в ведущий признак, отличающий личность, «которой поведение непринужденно обстоятельствами делает притворство» (4) от безликого «слуги отечества».

1. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т.3. С.206.

2. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. М., 1989. С.112.

3. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С.146 (перевод фразы: «Я лишь счастливая случайность»).

4. Цит. по: Марасинова Е.Н. «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов» (Опыт исследования сознания российской дворянской элиты последней трети XVIII – начала XIX века) // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С.215.